УДК 930 : 94(470.41)

А. А. Гафаров, А. Н. Гафаров

КОЛОНИАЛЬНАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО УКЛАДА МУСУЛЬМАН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ключевые слова: Российская империя, колониальная политика, аккультурация, мусульманские народы.

В статье исследуется государственная политика аккультурации мусульман Российской империи. В результате анализа авторы пришли к заключению о сугубо колониальном характере данной политики, направленной на христианизацию и русификацию мусульманских народов. Вместе с тем аккультурация стала важным фактором модернизации их традиционного уклада.

Keywords: Russian Empire, colonial policy, acculturation, Muslim people.

In this article the state policy of acculturation of Muslims of the Russian Empire is investigated. As a result of the analysis authors came to conclusion about especially colonial character of this policy directed on a hristianization and russification of the Muslim people. At the same time acculturation became an important factor of modernization of their traditional way.

Российская колониальная политика изначально носила ярко выраженный конфессиональный характер и была направлена, прежде всего, на христианизацию народов завоёванных территорий. После присоединения мусульманских государств к России были ликвидированы не только многие традиционные общественно-политические, но и религиозные институты (была уничтожена мусульманская городская цивилизация, включая вакфы, медресе, соборные мечети, прекратило свое существование высшее духовенство). Со временем практически все сферы жизни мусульман подпали под действие общероссийских законов. Исключение составила лишь область семейно-брачных отношений, где допускалось применение норм шариата. Таким образом, изначальные предпосылки аккультурации российских мусульман складывались в определенном контексте исторического развития и ни в одной стране мусульманского Востока они не проявились столь значимо как в России.

Реформы Екатерины II, начавшие эпоху веротерпимости, открыли ворота для интеграции мусульманского населения в общероссийские процессы. Легализация ислама, определение его юридического статуса, а также сословных прав мусульман снизило этноконфесиональное напряжение в стране. Законы 1776, 1782 гг. позволили татарскому купечеству (загнанному ранее на периферию восточной торговли) торговать по всей территории империи и создавать органы самоуправления. Данные реформы подтолкнули татарский капитал не только к расширению торговли и освоению общероссийского рынка, но и к широкомасштабному развитию промышленного предпринимательства. Важным фактором капитализации жизни мусульман, даже самых отдаленных регионов, стало развитие водного и особенно железнодорожного транспорта. В XIX в. прагматичный мир мусульман внутренней России начал постепенно открываться для более широких этноконфессиональных контактов. Важной предпосылкой аккультурационных процессов с самого начала явилась массовая русская колонизация на Восток. Между 1801 и 1914 гг. свыше 7 млн. русских переселились в азиатскую часть страны. За исключением регионов компактного проживания мусульман количественное (а также политическое) превосходство великороссов «обрекало» коренное население на неизбежное все более тесное общение и культурный обмен [1]. В результате признаки аккультурации проявились по всему спектру традиционного уклада российских мусульман: начиная с элементов бытовой культуры, кончая восприятием европейских начал в сферах искусства, просвещения и науки.

Либерализация этноконфессиональной политики в России способствовала более широкому использованию мусульман на государственной службе, в работе дипломатических миссий и пограничных комиссий. Например, будущий преподаватель татарского языка в Первой Казанской гимназии и родоначальник династии педагогов-просветителей С.Х. Хальфин начинал рядовым переводчиком в лашманской конторе. На государственной службе были также заняты просветители азербайджанец М.Ф. Ахундов, казахи Ч. Валиханов, М.-С. Бабаджанов, башкир М. Бекчурин и др. По мере актуализации «восточного вопроса» в XVIII – XIX вв. усиливается внимание к подготовке специалистов, говорящих на восточных языках. Ещё в 1724 г. Пётр I издал указ, предписывающий изучение турецкого языка и направление с этой целью в Стамбул юношей в возрасте 14–15 лет [2, с. 108]. В одном из первых светских учебных заведений для калмыков и татар в Самаре (1739) готовились переводчики с калмыцкого и татарского языков. Несколько позднее были открыты «татарские классы» в Первой Казанской гимназии (1769) и в Первой Астраханской гимназии (1789), а также в 1807 г. Восточный Разряд в Казанском университете, переведенный впоследствии в С.-Петербург. Курс обучения был значительно расширен за счет изучения других восточных языков. Офицеров-переводчиков готовил Неплюевский кадетский корпус, открытый в Оренбурге в 1824 г. В числе кадетов были татары, башкиры и казахи. Татарский язык преподавался также в Казанской батальонной школе, Тобольском главном народном училище, Тобольской, Омской школах и др.

Соответственно возникла потребность в образованных «инородцах», способных работать в светской, европейски организованной, школе. Рек-

тор Казанского университета Лобачевский Н.И. писал министру просвещения: «При университете и гимназии, где преподаются восточные языки, необходимо для лучших в оных успехах учащихся, иметь преподавателей из природных персиян, татар, турок, соединяющих, если можно, образованность европейскую с основательными теоретическими и практическими познаниями восточных языков» [3, с. 34]. К изучению и преподаванию восточных языков в государственных учебных заведениях привлекались иранцы Аб.К. и Ал.К. Казем-Беки, бурят Д. Банзаров, хакас Н.Ф. Катанов, азербайджанец М.Д. Топчибашев, башкир М. Бекчурин, татары Хальфины, Н.М. Ибрагимов, С.Б. Кукляшев, Г.А. Вагапов, М.-Г. Махмудов, А. Даминев, С. Муртазин, Н. Атнометев, М. Бердиев, Х. Файзханов, А. Баязитов, И.В. Терегулов, С.-Г. Ахмеров и многие другие. Причастность к преподаванию в государственной школе, к научным исследованиям восточных языков, истории, археологии и этнографии привели мусульманских ученых к работе в научных обществах (Ш. Марджани, Х. Фаизханов, Ч. Валиханов, М-С. Бабаджанов, М.Ф. Ахундов, М. Бекчурин, К. Насыри, Г. Ахмаров, Ш. Ахмеров, М. Аитов, Г. Ильяси, А. Диваев, А.-З. Валиди и др.).

Преодолевая традиционный изоляционизм [1, с. 63], российское светское образование постепенно начинает проникать в среду мусульманского населения. В светские школы поступали преимущественно дети чиновников, купцов, казаков, дворян - сословий в наибольшей степени подверженных аккультурации. Например, хан Букеевской (Внутренней) Орды Жангир получил русское образование и европейское воспитание в доме астраханского губернатора Андреевского С.С. Другой казахский султан Чингиз Валиханов дал русское образование трём своим сыновьям [4, с. 78]. Башкир М. Бекчурин закончил Неплюевский кадетский корпус, И. Гаспринский обучался в Воронежском военном училище, А. Топчибашев, А. Агаоглу – в С.-Петербургском университете. Однако двери высшей школы для мусульман в целом оставались закрытыми. По подсчету Михайловой С.М. «за первые 100 лет существования Казанского университета в его стенах училось (лишь – Ан.Г., Ай.Г.) 97 студентов восточного татаро-башкирского и казахского происхождения» [5, с. 130]. В частности одним из первых башкирских врачей был выпускник Казанского университета Ахметьян Абдиев. Впоследствии он также закончил Петербургскую Медико-хирургическую академию и защитил диссертацию, став первым из башкир доктором медицины [6, с. 283]. Потанин Г.Н. также отмечает рост числа казахов, кончивших курс в высших учебных заведениях, которые в основном «остаются служить в европейской России» [4, с. 82]. Осознание необходимости светских научных (европейских) знаний проникло даже в традиционно консервативную Бухару. В 1880 г. эмиром Музаффар ад-дином было пожертвовано 20000 руб. на стипендии «при Ташкентской мужской гимназии для детей уроженцев Бухары». Однако детей обладающих «образованием, достаточным для поступления в младший класс гимназии и прохождения дальнейшего курса» не нашлось. Поэтому в Министерстве народного просвещения (МНП) решили (1885) учредить эти стипендии «при приходских и городских училищах Туркестанского края» [7].

Слабый приток инородцев в русские школы побудил к частным и официальным инициативам создания для них отдельных светских образовательных учреждений. Первый проект интеграции мусульманской духовной школы с европейской системой образования относится к 1818 г. Его авторами выступили муфтий Хусаинов М. и профессор Казанского университета Кондырев П.С. Данный проект предусматривал создание двух училищ для мусульман в Казани и Оренбурге. В них помимо религиозных предметов планировалось преподавание русского и европейского языков, а также общеобразовательных дисциплин. Кондырев предложил, в том числе создать светское училище для мусульман в Чистополе. Эти училища предназначались для подготовки будущих указных мулл, учителей, чиновников; лучшие выпускники могли получить право поступать в университет. Эти проекты не были реализованы, прежде всего, по причине противоречий с официальными органами. Попечитель Казанского учебного округа Магницкий М.Л. видел в этих училищах лишь учреждения для активизации миссионерской работы. Подобные проекты обсуждались также в Крыму и на Кавказе. Однако в первой половине XIX в. они не были реализованы, так как не учитывали реальную жизнь российских мусульман, которые имели «богатую литературу, многообразие мнений, свой устойчивый взгляд, достаточно глубокое понимание христианских догматов» [8, с. 29] и т.д.

Противоречия колониальной политики аккультурации наиболее ярко отразила, так называемая, «система Ильминского». Ильминский Н.И., являясь искренним поборником просвещения нерусских народов, вместе с тем неоднократно предостерегал от опрометчивого приобщения татар к достижениям европейской науки, справедливо опасаясь роста их национального самосознания: «фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а ещё хуже аристократ, а ещё хуже человек университетского образования» [9, с. 175]. Он отвергал возможность слияния «магометанских начал или принципов и догматов с европейской наукой и цивилизацией» [10, с. 6]. Поэтому он предлагал оставить медресе неизменными, а в русских школах для туземцев преподавание вести «на русских началах» (без исламского компонента), чтобы выпускники «могли бы противостать медресам, как их отрицание» [10, с. 6]. Ильминский считал, что представителей народов Средней Азии «вовсе не следовало бы привлекать и допускать в гимназию». «Для них гораздо полезнее простое, начальное, но здоровое, русское образование», чтобы занимать «должности толмачей, писарей, начальных учителей» русско-туземных школ и т.д. [9, с. 74]. Весьма полезным он находил опыт ко-

лониальных французско-арабских школ в Алжире [10, с. 6]. По мнению Остроумова Н.П. (ученика Ильминского), научное образование мусульман «бессильно… заглушить в людях национальное чувство». «Национальное самосознание от образования даже ещё проясняется и получает большую устойчивость» [11, с. 31].

Ильминский совершенно определенно высказался за неразрывную связь образования и христианизации, перевод богослужения на народные языки инородцев, распространение религиозной литературы на этих языках, обучение детей «новокрещенов» русскому языку и постепенный перевод организации их духовной жизни на православный лад. Он выступил одним из инициаторов миссионерского общества «Братства святителя Гурия», которое на основании «Положения о начальных народных училищах» (1864) создало сеть «братских» школ. К концу XIX в. в Казанской губернии в 122 «братских» школах обучалось около 5 тыс. детей [12, с. 460]. В этих целях предусматривалась подготовка учительских кадров и духовенства из представителей коренных народов. По инициативе Ильминского были созданы Казанская центральная крещенно-татарская школа (1863), а затем Казанская инородческая учительская семинария (1872), которую Ильминский рассматривал в качестве существенного звена «в системе миссионерских учреждений Казанского края и всего Востока Европейской России» [9, с. 50]. Как выразился обер-прокурор Синода Победоносцев К.П., крещено-татарские школы были призваны воздействовать, «прежде всего, на душу» инородцев [13, с. 205]. Вне зависимости от поставленных целей «система Ильминского» объективно способствовала распространению русского языка и светского просвещения среди татар. Безусловным достоинством этой системы являлось обучение на основе родного языка инородцев. В 1870 г. «система Ильминского» была официально признана правительственными «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» и рекомендована к внедрению в широкую практику.

Параллельно в 70-е гг. XIX в. начали создаваться трехгодичные русско-татарские училища, в которых основными предметами были русский язык и арифметика, а также давались начальные сведения по истории, географии и природоведению. Однако, несмотря на наличие курса мусульманского вероисповедания, обучение здесь велось главным образом на русском языке и преподавание татарского языка официально не предусматривалось. В начале XIX в. в Казанском учебном округе насчитывалось 57 русско-татарских училищ. Вероятно из-за русификаторской ориентации подобные школы просветитель И. Гаспринский называл мёртворождёнными учреждениями [14, с. 47]. В 1876 г. были открыты четырёхлетние татарские учительские школы в Казани, Симферополе, несколько позже – в Оренбурге. Здесь подготавливали учителей из татар для «инородческих» начальных школ Поволжья, Приуралья, Крыма и Средней Азии. Многие представители татарской интеллигенции получили образование в Казанской учительской школе (И.Б. Ашказарский, Г.Г. Исхаки, Ф.Ф. Туктаров, Х.М. Ямашев, Г.Х. Камай, Г.Ю. Кулахметов, С.Н. Максудов, Ш.З. Мухамедьяров, Н.И. Мухитдинов, М.А. Фазлуллин, Г.З. Сайфутдинов, М.Х. Султан-Галиев и др.). Однако, Ш. Марджани, входивший в педагогический совет школы и в течение девяти лет преподававший там вероучение, был вынужден покинуть КТУШ. Это произошло «в результате разногласий с инспектором и некоторыми учителями (в школу стали принимать учеников русско-татарских училищ, не связанных с татарской культурой)» [15, с. 188]. Впоследствии (после 70-х гг.) в России не было открыто ни одного подобного заведения.

В отношении татарских конфессиональных школ, «не соответствующих задачам русской государственности» [16, с. 76], правительство в русле правил 26 марта 1870 г. встало «с самого начала на путь принудительного, насильственного обучения русскому языку» [17, с. 225]. Министерство народного просвещения обязывало мектебы и медресе за свой счет ввести преподавание русского языка, организовать русские классы, а также требовало непременное знание русского языка мударисами и преподающими духовными лицами. Эти решения противоречили реальным условиям обучения в мусульманских школах [18, с. 78] и потому повсеместно саботировались. В связи с этим в 1874 г. все мусульманские школы были подчинены надзору МНП. Очевидно, что правительственные решения были проникнуты духом «борьбы с мусульманской племенностью и цивилизацией», реализации задачи «обрусения татар-магометан и их слияния с русским народом», а задача государственной инспекции «должна была ограничиться областью полицейского наблюдения и политического сыска» [19, с. 169]. Административное давление вызвало сопротивление руководителей конфессиональных школ и волнения татаро-башкирского населения в 1878–1879 гг. Для подавления сопротивления применялись меры высылки лиц, противодействующих обучению русской грамоте, из мест их постоянного жительства во внутренние великорусские губернии. До первой российской революции «в Казанской губернии было открыто всего 7 русских классов при медресе» [20, с. 86].

В 60-е гг. «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» развернуло миссионерско-просветительскую деятельность: были созданы школы для горских детей, а также открыта четырёхлетняя учительская школа в Тифлисе. В 1867 г. в 67 школах «общества» училось 1098 учеников. Однако большинство их было только на бумаге. Откровенно миссионерский характер этих школ не снискал значительных симпатий у местного населения. Параллельно администрацией создавались «горские школы», ориентированные на программы русских уездных (городских) училищ. Однако они были слабо адаптированы к нуждам местного населения и за исключением русского языка были практически бесполезны. С конца 80-х гг. для кавказских инородцев в духе известного постановления стали

создавать, как и в других регионах, «русско-татарские» школы. Абрамов Я.В. констатировал: «К сожалению, насколько много сделано нами на Кавказе для того, чтобы всячески ухудшить экономическое положение туземного населения, настолько же мало сделано для распространения образования среди горцев. Собственно говоря, в этом отношении нами не сделано ещё даже начального шага» [21, с. 70].

Намного хуже ситуация с государственным образованием инородцев была в Сибири. Хотя «в XVIII в. в Сибири было основано много инородческих школ, но ни одна из них, - отмечает Шашков С.С., - не дошла до настоящего столетия» [22, с. 595]. Если «в 1782 – 1784 гг. администрация старалась о распространении школ и обучении корану татар и киргизов», то в XIX в. ставка была сделана на конфессиональные школы, дававшие весьма скудное образование [23, с. 117]. С 1853 г. был вновь поставлен вопрос об инородческих школах, однако формирование их шло крайне медленно (отчасти вследствие слабого финансирования, а также сопротивления местного населения, опасавшегося христианизации). Наибольшую проблему представляло преподавание образовательных предметов на родном языке, что вызывало откровенное неприятие школьных властей. «Со стороны русской народности в Сибири, к сожалению, почти ничего не сделано для инородческого образования и пробуждения инородческого ума», - с горечью констатировал Ядринцев Н.М., - «на Кавказе в гимназиях инородцы составляют 27 % всего числа учеников; в одесской гимназии их было 22 %; в казанском округе – 2 %; в Сибири они не составляют - и одного процента» [23, с. 120].

В Приуралье, Казахстане и Средней Азии постановка чисто русского образования среди инородцев с самого начала была обречена на неудачу, поскольку во главу угла ставились те же задачи русификации и ассимиляции. В 1876-1879 гг. была сделана попытка создания интернатов с обучением русского языка для казахских детей. В них обучалось всего 204 учащихся [24, с. 226]. Инспектор МНП Селицкий в 1900 г. докладывал генерал-губернатору, что «интерны должны были поступиться и в вопросе о соблюдении в стенах школы уразы (пост)» (протесты умолкли «при применении решительных мер»), русская транскрипция вытесняет арабскую и тем парализует влияние мусульманской литературы, уроки вероучения – не более 2-3 занятий в неделю, отнюдь не позволяется, чтобы «мусульманские ученики были посвящаемы в тонкости шариата» и т.д. [25, с. 275-276]. Абай отмечает, что казахи «в русскую школу отдают детей нехотя, как на позор или неволю. Отдают одни бедняки с горя» [26, с. 249]. По мнению М.А. Муропиева, высказанного на годичном акте Туркестанской учительской семинарии (1882): «туземные мальчики большею частью выходят из наших школ, не доканчивая учебного курса, с крайне плохим знанием русской речи, русской грамматики и русского народа; а взрослые и до сих пор отчасти страшатся русской школы, отчасти не ожидают никакой пользы от нея». Для Муропиева «русификационная политика» - главный принцип образования, который должен «по примеру казанской школьной системы держаться православной пропаганды», игнорируя религиозные убеждения туземцев [27].

Впоследствии в Туркестане была сделана попытка использовать опыт «французско-туземных» школ в Алжире. В создаваемых русско-туземных школах (первая такая школа была открыта в Ташкенте в 1884 г.) дети коренных народов обучались с русскими детьми на русском языке. Учебные программы этих школ сохраняли для «туземцев» изучение Корана, основных догматов ислама, арабского языка и т.д. Генерал-губернаторы в 1886 г. в сфере начального образования края получили особые полномочии (права изменять штатное расписание начальных училищ, «определять учителя из туземцев, или оставлять школу без такового», открывать новые училища «на местные средства, при условии полного материального обеспечения русского учителя» и т.д.) [28, с. 592]. Перед русско-туземными школами администрацией была поставлена конкретная задача: «ограничить преподавание сообщением основных начал русской грамотности, то есть приучить к правильному чтению, письму и счёту в пределах строго необходимых для элементарных потребностей инородческого быта» [29, с. 144]. В русле апробированной политики в Туркестане в 70-е гг. стали возникать научные кружки и общества (любителей археологии, естествознания, антропологии, этнографии и т.д.). В Ташкенте были открыты Туркестанская публичная библиотека, которая к 1880 г. насчитывала около 10 тыс. наименований книг (30000 томов), частная публичная библиотека, музей, обсерватория, появились два книжных магазина, была создана «комиссия народных чтений» в Ташкенте (1898) (для деятельности которой приобрели «волшебные фонари» и «прозрачные картины») и т.д. В Туркестан начали приезжать русские актеры, писатели, художники, архитекторы.

Однако, как отмечал Бартольд В.В., «… успехи русской школы и вообще русской культуры затруднялись опасением, как бы не сообщить туземцам слишком много сведений на их языке и не содействовать этим упрочению местной литературы и местных культурных особенностей, в ущерб обрусению. В русско-туземных училищах во второе десятилетие их существования твёрдо проводился принцип, по которому занятия в русском классе должны были вестись исключительно на русском языке и только при помощи русского языка детьми должны приобретаться «необходимые знания и развитие». В туземном классе не должно было быть никаких других занятий, кроме обучения «туземной грамоте и основам мусульманского вероучения…» [30, с. 173]. Данная система преподавания методом «указующего перста», (игнорирующая родной язык учеников), ярым поборником которой был инспектор народных училищ Туркестанского края Граменицкий С.М., показала в итоге слабые результаты. Впоследствии она подверглась острой критике со стороны учеников Ильминского. В 1901 г. в 45 русско-туземных шко-

лах училось 1490 детей коренных жителей, что составляло примерно 0,05% от общего количества туземного населения. Однако, полный курс за 25 лет прошли только 313 учеников [31, с. 3, 7].

В отношении конфессиональных школ была поставлена «задача – ввести русский язык в круг предметов, преподаваемых в мадраса». Сделанные попытки, по признанию Граменицкого, «до сего времени не имели успеха…» [31, с. 23]. При этом несомненную популярность среди населения Казахстана и Средней Азии обретали татарские новометодные школы. «Засилье» татарского культурного элемента в этом регионе вызывало растущее опасение местной колониальной администрации [30, с. 136-138]. Очевидно, что «татары были конкурентами русских в деле ознакомления мусульман с европейскими приёмами учения, вообще внесения в их среду европейской культуры» [30, с. 138]. В итоге были приняты жёсткие меры, ограничивающие культуртрегерское влияние татарских просветителей, (запрещающие нехристианам покупать в Туркестане земельную собственность, преподавать детям иной национальности и т.д.).

Усилия правительства по русификации образования мусульман продолжилась и в дальнейшем. «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» (от 31 марта 1903) жёстко предписывали исключительное изучение русского языка. В первоначальных инородческих школах для изучения русского языка и церковно-славянского чтения отводилось 8 уроков, а на грамоту на родном языке 4, в училищах с четырёхгодичным курсом для русского языка было предусмотрено 12 уроков, а на природный отводилось только 2 [19, с. 172]. На практике местная администрация в своих ограничениях пошла ещё дальше. Например, в уфимском русско-башкирском училище для девочек учительницы мусульманки были заменены русскими, выходные дни были перенесены на воскресенье, ученикам Оренбургской казахской учительской школы запретили посещать библиотеку «Оренбургского благотворительного общества» и т.д. [19, с. 178]. Вследствие взрыва недовольства мусульманского населения в 1907 и 1913 гг. были приняты «новые» «Правила о начальных училищах для инородцев», которые отнюдь не изменили характера официальной школьной политики. Очевидно, что «этнические и культурные меньшинства могли развиваться только в жёстких рамках, отведённых им государством»; «в XIX в. в рамках России как имперского государства, где православие и русский этнос выступали в качестве главенствующих и рассматривались как государственная идея, решение проблемы образования нерусского населения лежало в политической плоскости» [8, с. 27-28].

Важным каналом аккультурации являлась государственная издательская политика. В 1875 г. в С.-Петербурге, в духе политики веротерпимости, была образована «Азиатская типография». Первыми изданиями были «Свод законов Российской империи» на татарском языке, Коран и др. В конце XVIII в. типография была переведена в Казань. В первые годы (1806–1815) «Азиатская типография» даже получала государственные субсидии – 2000 руб. ежегодно, затем перешла на самообеспечение. С 1801 по 1829 гг. она сумела выпустить около ста книг условным тиражом 280 тыс. экземпляров [32, с.134], в основном учебники, художественную и религиозную литературу. (До этого татары обучались мусульманской грамоте и наукам «не иначе, как по рукописным тетрадям и книгам».) Помимо восточной литературы печатались русские издания для татар. Печатная продукция широко распространялась по всем мусульманским регионам и доходила до самых отдалённых аулов. Шиле описывал татар, занимавшихся мелкой развозной торговлей, «которые заносят в глухие сибирские городки и русские книги» [33, с. 35]. Важную культурно-просветительную роль начал играть выпуск календарей на татарском языке, занявших «впоследствии значение периодической печати» [34, с. 33, 39] среди татар Поволжья, Приуралья и Сибири. Издательская лихорадка в конце XIX в. охватила практически весь тюрко-исламский мир.

Несмотря на явный успех книгоиздательской деятельности, отношение правительства к периодической печати на языках мусульманских народов было скорее негативным. В казанском крае верховной властью был одобрен в 1809 г. лишь первый проект И.И. Запольского (в итоге так и не реализованный), поддержанный губернатором Б.А. Мансуровым. Просителями зачастую выступали прогрессивно настроенные представители русской интеллигенции: М.Г. Никольский, П.И. Пашино, В.С. Курочкин и др. Однако последующие 20 прошений (вплоть до 1905 г.) об организации периодических изданий на татарском языке были отклонены [32, с. 188-202]. При этом за казенный счет в XIX в. издавались газеты в колониях (на азербайджанском, персидском, узбекском, казахском языках). Например, с 1879 г. начала выходить «Туркестанская туземная газета» (приложение на тюркском языке к «Туркестанским Ведомостям», Ташкент), которая в 1883 г. становится независимым еженедельным изданием (1883-1917 – ред. Остроумов Н.П.). С 1888 г. издаётся казахское приложение к «Акмолинским Областным Ведомостям» - «Газета Степного края» (Омск, 1888-1902). При поддержке бакинского губернатора Старосельского Д.С. с июля 1875 г. начинает выходить первая в Российской империи газета на тюркском (азербайджанском) языке - «Икинче» («Земледелец», 1875-1877 - ред. Г. бек Зардаби). В Тифлисе с 1879 г. издаётся газета на тюркском языке - «Зия» («Свет») (с 1880 по 1884 гг. - «Зияйи Кавказие» («Свет Кавказа»)), а также «Кешкюль» («Чаша суфия», 1883-1891 - издатель Д. Унсизаде). Официальное разрешение также получил крымско-татарский «Тарджеман» («Переводчик», Бахчисарай, 1883-1918 - ред. И. Гаспринский). В 1903 г. «Закаспийским обозрением» (Ашхабад) была сделана попытка издавать газету на персидском языке.

«В отечестве нашем издаётся много газет на языках других инородцев, - писал А-Х. Максуди,

направляя в МВД очередное прошение (1903), - между прочим, и на наречии крымских татар, и закавказских азербайджанцев, и туркестанских сартов, и даже степных киргизов. Лишь мы, казанские татары, лишены этой милости…» [35, с. 181]. Ситуация с тюрко-татарской периодической печатью дошла до того, что даже «Новое Время» ещё в 1882 г. поставило вопрос: «В России, как известно, нет ни одного органа на татарском языке…, тогда как оные есть на всех языках не исключая еврейского. Отчего бы не создать такой?» [36]. (Ну «хотя бы на русском языке для мусульман, типа «Русский мусульманин», - откликнулись вслед «С.-Петербургские ведомости» [37].) Упомянутое прошение также не было удовлетворено; по отзыву властей личность Максудова «не удовлетворяет… желательным качествам редактора-издателя», главной задачей которого должно быть «просвещение татар в духе гражданского обрусения» [35, с. 183].

Не вдаваясь в подробности судеб отдельных проектов, ограничимся констатацией того, что издательская политика российского правительства колебалась между желанием быть понятым в своих лучших «благотворных намерениях» и страхом растущего национального самосознания инородцев. Эти опасения достаточно ясно выразил редактор «Среднеазиатского Вестника» Смирнов Е.Т., убеждённый, что «цивилизующим народом может быть только один русский народ, медленно, но верно исполняющий свою миссию просвещения диких и полудиких финских, монгольских и тюркских племён» [39, с. 26]. «Помещая сведения о распространённости и характере деятельности туземной печати в Английской Индии, редакция «Среднеазиатского вестника» имеет целью обратить внимание на тот вред, какой может происходить от самостоятельного, ничем не сдерживаемого развития печати у покорённых народностей, ещё не сплочённых органически с ядром государства и не стоящих на надлежащей высоте культурного развития» [38, с. 61].

***

В целом социокультурная политика российского правительства (как и других колониальных держав) по отношению к мусульманским народам, прежде всего, ориентировалась на задачи дальнейшего колониального расширения империи. Стратегия государственного просвещения была направлена на подготовку лояльных «инородцев», которые, по выражению Ильминского, не погнушались бы работой в колониальной администрации. Хотя и такие «обрусевшие инородцы», - по мнению Ядринцева Н.М., «в лице переводчиков азиатских школ, писарей и проч., являются обыкновенно самым дурным элементом и эксплуататорами, взяточниками и совершенно не имеют никакого благотворительного влияния на среду инородцев» [24, с. 240]. Подачками и наградами среди инородцев в Туркестане был создан класс «почётных туземцев», не всегда принадлежащих к числу лучших представителей своего народа. На Кавказе старшинами назначали «просто отребье горских обществ», (заявивших «себя лишь доносами на своих соплеменников») – «лица, презираемые или ненавидимые всем обществом» [21, с. 89-90]. По этому поводу Остроумов Н.П. с горечью писал: «Не надо никогда забывать, что инородец, презрительно отзывающийся о своей народности на ломанном русском языке, есть явление глубоко противное, и всякий трезвый добропорядочный крестьянин-инородец, незнающий ни слова по-русски, во сто, тысячу раз для России полезнее отбившегося от родного своего народа и дела, любого разбитного, но мало порядочного инородца, даже хорошо знающего по-русски…» [29, с. 157].

Несмотря на либеральные вкрапления, внутренняя политика, направленная на интеграцию мусульманского населения в общероссийское социокультурное пространство, по-прежнему рассматривалась преимущественно в русле привычной христианизации и русификации. Как эмоционально выразился по этому поводу Ядринцев Н.М.: «…Обрусей, и тогда мы будем на тебя смотреть, как на предмет, подлежащий равной заботе с другими! Крестись, и тогда мы тебе окажем милосердие!» [24, с. 155]. Аккультурационные процессы в данном контексте явились побочным продуктом колониальной политики, которые происходили не благодаря, а скорее вопреки её устремлениям. Такие личности как Банзаров и Валиханов «только случайно пробивались из инородческой среды» [23, с. 122]. Несопоставимый размах распространения европейского образования среди мусульман Британской Индии и России свидетельствует об известном отвержении российскими мусульманами официальной политики аккультурации.

Вместе с тем, исторически близкая к «северным мусульманам» русская культура, по мере вестернизации, стала адаптивным проводником приобщения российских мусульман к достижениям европейской цивилизации. Характер и уровень аккультурации у разных народов зависели от интенсивности социокультурных взаимодействий, степени сохранения традиционных исламских и общественно-политических институтов, масштаба этнодемографических изменений, а также продолжительности воздействия и отдаленности конкретных регионов от собственно российской метрополии. Аккультурация затронула, прежде всего, районы Поволжья и Приуралья, определив специфику социокультурного развития татар данного региона, их особую роль в распространении элементов европейской культуры среди единоверцев. Таким образом, аккультурация стала важным толчком общего процесса модернизации жизни мусульман, охватившего в своем движении практически все слои населения мусульманской России.

Литература

1. *Коршунова, О. Н.* Историко-культурные особенности многонациональной провинции: Поволжье и Приуралье / О. Н. Коршунова // Вестник Казанского технологического университета. Специальный выпуск. Труды социально-экономического факультета:

исследования и приоритеты в науке и образовании. – Казань: КГТУ, 2000. – С. 61-64.
2. *Утургаури, С. Н.* Роль культуры в общественных процессах / Утургаури С. Н. // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – М.: ИВ РАН, 2003. – С. 104-110.
3. Общественно-политическая мысль в Поволжье в XIX – начале XX вв. – Казань: Изд-во Казанского университета , 1977. – 269 с.
4. *Потанин, Гр.* В юрте последнего киргизского царевича (Из поездки в Кокчетаевский уезд) // Русское богатство. – 1896. - № 8 (август). – С. 60-88.
5. *Михайлова, С. М.* Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX в.) / С. М. Михайлова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1991. – 359 с.
6. *Круковский, М. А.* Южный Урал. Путевые очерки. - М.: Изд-во К.И. Тихомирова, 1909. - 314 с.
7. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. X., № 37. – СПб, 1894. – С. 28-29.
8. *Исхакова, Р. Р.* Образование в дореволюционной России: идеологический и конфессиональный аспекты / Р. Р. Исхакова // Вестник Казанского технологического университета. – 2008. - № 6. – С. 26-32.
9. *Ильминский, Н. И.* Письма Н.И. Ильминского обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву. – Казань: Издание Редакции Православного Собеседника, 1895. – 414 с.
10. Извлечения из писем Н.И. Ильминского к Н.П. Остроумову. (Приложение к статье П.В. Знаменского: «Участие Н.И. Ильминского в деле народного образования в Туркестанском крае». Прав. Собес. 1900 г. Ч.I). – Казань, 1900. – 84 с.
11. *Остроумов, Н.* Что такое коран? По поводу статей Г.г. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мурзы Алима (Перепечатано из №№ 1-10 «Туркестанских Ведомостей» за 1883 год). – Ташкент, 1883. – 156 с.
12. Татарская энциклопедия в 5 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. - Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1: А-В. – 672 с.
13. Из черновых бумаг К.П. Победоносцева // Красный архив. - 1926. – Т. 5 (18). – С. 203-207.
14. Исмаил Бей Гаспринский. Россия и Восток. – Казань: Тат.книж.изд-во, 1993. – 130 с.
15. Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004. – 383 с.
16. *Коблов, Я. Д.* Конфессиональные школы казанских татар. – Казань: Центральная типография, 1916. – 119 с.
17. *Горохов, В. М.* Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья / В. М. Горохов. – Казань: Татгосиздат, 1941. – 259 с.
18. *Насыри, К.* Избранные произведения / К. Насыри.– Казань: Татарское кн. изд-во, 1977. – 256 с.
19. *Цаликов, Ах.* Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.: Издание М. Мухтарова, 1913. – 184 с.
20. История государственности Республики Татарстан и современность. Материалы Республиканской научной конференции 8-9 декабря 1998 г. / Сост. и общая ред. Р.К. Валеев, С.И. Ионенко – Казань: Мастер Лайн, 1999. – 186 с.
21. *Абрамов, Я.* Кавказские горцы (Из личных экскурсий) // Дело. – 1884. - № 1. – С. 62-104.
22. *Шашков С. С.* Сибирские инородцы в XIX столетии // Собр. соч. – Т. 2. – СПб: Изд-е О.Н. Поповой, 1894. – С. 548-632.
23. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония. – СПб., 1882. – 471 с.
24. *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб.: Изд-е И.М. Сибирякова, 1891. – 308 с.
25. Известия по народному образованию. – 1905. – декабрь. – С. 275-276.
26. *Абай.* «Свою судьбу от мира не таю…» Избранное. – Алматы: Изд-во «КРАМДС – Ахмет Яссауи» Казахского ПЕН-клуба, 1995. – 299 с.
27. *Искяндер-Мурза.* Русские школы для мусульман в Туркестане // Восточное Обозрение. – 1883. - № 38. – 22 сентября.
28. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. X., № 276. - СПб, 1894. – С. 592.
29. *Остроумов, Н.* Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. – 1906. – Ч. I. – январь. – С. 113-166.
30. *Бартольд, В. В.* История культурной жизни Туркестана. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1927. – 256 с.
31. *Граменицкий, С.* 25-летие учебного дела в Туркестанском крае. - Ташкент, 1901. – 26 с.
32. *Каримуллин, А. Г.* У истоков татарской книги (от начала возникновения до 60-х годов XIX века). – Казань: Татарское кн. изд-во, 1971. – 222 с.
33. *Шиле.* Сибирские татары // Природа и люди. - 1979. - № 1 (январь). – С. 27-53.
34. *Исхаки Г .Г.* Идель-Урал. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1991.- 64 с.
35. «Я ближе всех был связан с И. Гаспринским (Ахмед-Хади Максуди) // Эхо веков – Гасырлар авазы. – 1995. – май. – С. 177-195.

36. Новое Время. – 1882. - № 2264. – 19 июня.
37. С.-Петербургские ведомости. – 1882. - № 180. – 6 июля.
38. *Е. С-в.* Комментарий к статье «Туземная печать в Английской Индии» // Среднеазиатский Вестник. – 1896. – апрель. – С. 61-66.
39. *Смирнов, Е. Т.* Задичавшая страна // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т. IV / Под ред. И.И. Гейера. – Ташкент: Изд-е Сыр-Дарьинского Областного Статистического Комитета, 1895. – 240 с.

Сведения об авторах

Гафаров Анвар Айратович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: anvargafarov@mail.ru Тел.: 236 – 79 - 72 (раб.), 211 - 65 – 20 (дом.), 89063268882.

Гафаров Айрат Нуреевич – доктор химических наук, профессор, профессор кафедры химии и технологии органических соединений азота (ХТОСА) Казанского национального исследовательского технологического университета.

E-mail: anvargafarov@mail.ru Тел.: 554 – 87 – 28 (дом.), 89030619369